

Д. Л. Сливак

КАК СТАТЬ ПОЛИГЛОТОМ

Дмитрий Леонидович Спивак

Как стать полиглотом

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168535

Спивак Д.Л. Как стать полиглотом: Лениздат; Ленинград; 1989

ISBN 5-289-00539-0

Аннотация

Каждый ли человек способен овладеть иностранным языком? Какой язык целесообразнее изучать? Существуют ли научно обоснованные методики, облегчающие овладение языками? С какого возраста следует обучать языку своего ребенка? Эти и многие другие вопросы интересуют каждого культурного человека. В поисках ответа на них читателю доведется углубиться в запыленные фолианты, рассказывающие о захватывающей истории полиглотов, заглянуть в лаборатории психолингвистов, раскрывающих тайны многоязычия, побеседовать с людьми самых разных профессий и возрастов, отдающих свободное время изучению языков. В заключение даются практические рекомендации для желающих самостоятельно и в сжатые сроки овладеть языком. Книга основана на многолетних работах автора-полиглота, члена Педагогического общества РСФСР, и предназначена широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	8
Кто такие полиглоты?	9
Природа или воспитание?	17
Трудно ли учить языки?	24
Экология языков	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Леонидович Спивак Как стать полиглотом

Предисловие

Книг, подобных той, которую вам предстоит прочесть, у нас раньше не выходило, хотя потребность в них неоспорима. Иногда какой-нибудь полиглот поделится в газете некоторыми приемами из своего опыта, но четких практических рекомендаций, а тем более рассказа о месте полиглотов в истории и культуре у нас до сих пор не было.

В книге ясно показано, что знание одного или нескольких языков – совершенно естественное явление. Оно распространено шире, чем принято считать, – особенно в нашей многонациональной стране. Следует полностью согласиться с автором, что людей, неспособных к усвоению языков, нет и не может быть, ведь резервы человеческого мозга неисчерпаемы и каждый из нас использует пока только скромную их часть.

Издание, несомненно, окажется полезным для самого широкого круга читателей. В нем рассматривается целый спектр вопросов, связанных с тем, какой язык выбрать для изучения, даются рекомендации, обращенные к родителям, преподавателям кружков и курсов, где люди овладевают неродным языком. Кроме того, оно поможет ориентироваться во множестве языковых проблем, возникающих в нашей повседневной жизни буквально на каждом шагу.

Одним словом, на страницах книги приводятся советы,

нужные каждому. Для этого автор привлек весьма представительный круг литературы и лично обобщил богатый опыт наших полиглотов.

Вероятно, читателю останется неясным лишь один вопрос – сколько же языков знает сам Дмитрий Спивак? Для отдыха он может увлеченно вчитываться, скажем, в китайскую грамматику, а переход, допустим, от шведской книги к греческой газете совершается им без всяких затруднений. Но сам он говорит, что знает языков столько, сколько необходимо для дела, например хотя бы для того, чтобы перед читателем легла эта книга. Свободно, скромно утверждает автор, он владеет семью языками, а при необходимости с помощью методов, раскрытых на страницах книги, за короткое время в состоянии «справиться» с любым понадобившимся языком – европейским или азиатским, древним или молодым. Специалист по теории и истории педагогики, он много работал и практически – как переводчик международных форумов и конференций молодежи.

Рекомендации автора могут быть без оговорок приняты любым юношей или девушкой – даже считающими себя неспособными к языку. Очень скоро, сделав первые успехи, читатель добром помянет полученные советы. Иначе и быть не может, ведь в книге по крупицам собран и обобщен опыт самых разных людей. Должен признаться, что и я, в общем давно работая над различными языками, нашел полезными для себя кое-какие из этих советов.

Книга адресована массовому читателю, но в первую очередь, конечно, сверстникам автора – молодым людям. И это очень важно, поскольку молодежь, идущая нам на смену, должна решать свои проблемы сама. Впрочем, уверен, что человек любого возраста найдет здесь тему себе по душе. Книга написана увлекательно, ясно, она нужна людям, а значит, ей суждена долгая жизнь.

А. Д. Дридзо, доктор исторических наук

*Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН
СССР*

Глава первая

Приглашение в мир полиглотов

Кто такие полиглоты?

Над морем уже темнело, когда к нашему дому приковылял старый пират. На его плече сидел попугай, бивший крыльями и кричавший: «пиастры! пиастры!». С этого вечера начались приключения, приведшие меня на остров сокровищ...

Да, начинать книгу таким образом просто и весело – внимание читателя приковывается сразу и до конца. Можно даже рассчитывать на чтение ночами напролет. А наша тема? Может ли она вызвать интерес широкой аудитории, радовать и волновать?

Начнем с самого слова. По-гречески полиглот значит многоязычный, то есть человек, владеющий многими языками. И особой тайны здесь нет – пресса периодически пишет о людях, способности которых почему-то превосходят средние.

Так, житель Франкфурта-на-Майне Л. Шютц свободно поддерживал беседу на 270 языках. Заметим, что, вероятно, проблему составляла доставка к нему собеседников, поскольку даже в очень большом городе найти более сотни носителей разных языков в общем-то трудно. А отсюда следуют две очевидные вещи. Во-первых, его способности использовались в обычной, каждодневной жизни хорошо, если на десятую часть. Во-вторых, это были явно аномальные способности – как у спортсмена, который прыгает за два метра:

сколько ни смотри соревнования по телевизору, так высоко не прыгнешь.

В газетах постоянно мелькают подобные заметки о полиглотах. И вероятно, роман о внутренней жизни такого человека – своего рода донжуана языков, пленяющегося все новыми наречиями и покоряющего их в мгновение ока, – был бы занимателен. Но, кроме простого развлечения, какой вывод мог бы сделать отсюда обычный читатель? Что хорошо иметь большие способности и уметь их развивать? Или что возможности любого человека безграничны? Не случайно в интервью и записках знаменитых полиглотов обычен тот аргумент, что их достижения важны как доказательство реализации необозримых способностей человека. Конечно, любой из нас использует свой мозг едва на десятую долю, и, так же как знаменитый марафонец открывает чудеса резервов тела, полиглот делает то же самое в сфере разума. Но тогда самое место их описанию в научном труде. Спору нет – наука много сделала для понимания данного явления. Но это ли главное?

...Оставим на минуту современность и перенесемся на тысячелетие назад: в Киеве тогда шел 6476 год. Кочевники-печенегии осадили город, и некому было выбраться из него за подмогой. Положение у наших предков критическое. И тут из толпы выступает мальчик: он знает язык печенегов, попробует выдать себя за кочевника и пробраться сквозь стан. Что было дальше – прощание с родителями, напутствие соседей, – мы не знаем, но самое важное пробилось к нам

сквозь толщу веков в виде живого рассказа. Обратимся к «Повести временных лет» и послушаем летописца без переводчиков.

«Отрок изиде из града с уздою, и ристаше сквозь печенеги, глаголя: „Не виде ли коня никтоже?“ Бе бо умея печенежски, и мняхуть и своего. И яко приближися к реце, сверг порты, сунуся в Днепр, и побреде». Конец этой истории хороший – подмога пришла вовремя.

Ну а еще за тысячелетие до этого похожий случай произошел в Древнем Риме. Отважный юноша, зная этрусскую речь, прокрался в стан неприятеля – только его схватили. Во время допроса он держал руку на огне. Подвиг Муция Сцеволы порастил древних и тоже дошел до нас в истории.

Схожесть эпизодов такого рода дала некоторым исследователям основание предполагать, что здесь мы имеем дело все-таки не с голым фактом, а с художественно переосмысленной реальностью. Но даже если это и так, то народ обобщил то, что нередко случалось в жизни и что соответствовало его идеалам. Следует сразу оговориться: в этих первых случаях из длинного ряда, о которых мы расскажем, звучание языков смешивается со звоном мечей. Так и должно быть – священный долг защиты Отечества завещан нам дедами и прадедами.

Но не будем забывать и о другой стороне медали: в мирное время эти же языки несли взаимопонимание и уважение, обогащали обе культуры. Всем известно, как много – от

алфавита до самых основ государственности – дали этрусски Риму. Что же касается соседей-кочевников, то на Руси не стыдились при случае ни родниться с ними, ни учиться у них.

...250 лет назад сложные взаимоотношения казахских кочевников с русским государством завершились добровольным присоединением их к России. С тех пор судьбы обоих народов связаны в радости и испытаниях. И вот, перелистывая посвященный этому юбилею сборник казахской поэзии, я обратил внимание на имя Надежды Лушниковой. Как своеобразно слились в ее стихе восточный сказ и европейская строгость:

Аул родной! Ты воспитал меня,
мою любовь до времени храня.
Язык казахский мне навеки дал —
сравнятся ль с ним и жемчуг, и коралл?

В строках, вышедших из-под пера Надежды Лушниковой, гармонично сочетаются русская частушка и народный праздник поэзии айтыс, где состязаются акыны. А началась ее история в годы войны. После гибели отца девочку воспитывали в казахском ауле. Она ходила в местную школу, слушала мудрых аксакалов – и музыка чужой речи проникала в душу.

А затем полились и стихи. Постепенно они нашли своих слушателей – и русская девушка стала членом Союза писателей Казахстана, признанным знатоком казахского языка и

культуры. Живет Надежда Андреевна в маленьком городке Узунагаче, преподает ребятам из местного ПТУ казахский, а маленькой Гульжан, которую она удочерила после потери девочкой родителей, открывает сокровищницу русского слова. В этом примере, конечно, отразились тысячи схожих судеб, присущих нашей многонациональной стране. Чему учит детей Лушников? Думается, что не только языку, но и жизненной мудрости, уважению к достоинству чужого народа...

Теперь мы ступили на более твердую почву для разговора о полиглотах. Да, знать много по количеству – важно. Но знать много по качеству, по сумме принесенного людям добра – неизмеримо важнее. В самом деле, ведь все упомянутые нами люди знали по одному языку, а разве малого они добились? По-видимому, важно не то, сколько языков было изучено, и даже не то, до какой степени совершенства. Существенно, что достигнуто то главное, ради чего язык понадобился. В иных условиях и несколько слов чужого языка могут стать золотым ключиком.

Наверное, и это еще не всё. Даже если не говорить о других языках, разве не нужно владеть историей родной речи? Действительно, ведь уже у Пушкина мы понимаем отнюдь не все. В самых простых оборотах есть смысл, который иногда совсем не очевиден. Знать прошлое своего языка – значит говорить с предками без переводчика. Разве это не то же многоязычие?

Согласитесь, здесь есть что-то от отношений между...

физкультурой и спортом – пусть кто-то ставит рекорды, но это не заменяет того, что каждый должен быть здоровым и сильным. Точно так же, пусть редкие феномены достигают пределов возможностей, среднему человеку достаточно обладать основами языковой культуры. Может быть, это выразится в знании какого-то языка, но прежде всего в доброжелательной готовности к контакту с носителем другого языка, в умении выйти из него внутренне богаче. Поэтому, когда мы вместе с вами, дорогой читатель, будем искать ответ на вопрос: «Как стать полиглотом?», речь пойдет в первую голову об ориентации на многоязычие как части гармонично развитой, духовно наполненной личности.

Конечно, если читатель ищет на этих страницах приемы, позволяющие быстрее изучить нужный ему язык, то они есть и все будут даны. Но скажем сразу, что пропуск к успеху в этом деле – не навыки, а твердая внутренняя установка на доброжелательное любопытство к любой незнакомой речи.

В связи с этим мне приходит на память забавная игра, популярная у петербургских гимназистов прошлого века. Она состояла в том, что ребята собирали... слова из самых редких или малодоступных языков. Все здесь было как у настоящих коллекционеров: и использование любой возможности для пополнения своей коллекции, и ревнивое соревнование, и обмен. Мы, вероятно, не знали бы об этом поветрии, если бы не дневник маленького Алеши Шахматова. Откроем первую попавшуюся страницу. Вот и учет: за 50 санскрит-

ских и 3 готских слова выменял 60 исландских, за 40 персидских и 8 арабских – 50 финских и литовских. Впрочем, успех сменялся неуспехом: «У меня критическое положение. Желая купить армянскую азбуку и несколько мифологических песен, но за них требуют 1200 слов санскритских. Такого у меня нет капитала».

Смешные и далекие от нас проблемы, но учтем, что из этого маленького чудака вырос большой знаток культуры своего народа. Современные биографы прямо пишут, что для истории русского летописания академик Шахматов сделал не меньше, чем Пушкин для нашей литературы. Впрочем, итоги деятельности Алексея Александровича каждый из нас ощущает весьма явственно – ведь если мы не мучимся сегодня с правописанием ятя, фиты и твердого знака, то этим мы обязаны реформе русской орфографии, во многом разработанной Шахматовым.

Конечно, читателю вовсе не требуется приниматься за коллекционирование иностранных или древнерусских слов. В нашем распоряжении вполне достаточно словарей и пособий. Но почему бы не заинтересоваться значением термина, услышанного на работе, не попробовать разобраться в технической характеристике станка, пришедшего из-за рубежа? Почему бы не узнать, как будет «яблоки» на языке симпатичного южанина, у которого вы их покупаете на рынке, и не удивить заезжих туристов приветствием на их языке? Знания, которые мы получаем по ходу дела и совершенно даром,

могут помочь и в работе, и в налаживании добрых человеческих отношений.

Но уж если для такой учебы на лету нужны время и раскованность, которых вам не хватает, то расположить к ней своего ребенка – первый шаг к тому, чтобы сделать его и способным к иностранным языкам и умело пользующимся родным. И если начинать учение языкам, то не с найма репетиторов и не с зубрежки правил, а с воспитания того, что мы назвали доброжелательным любопытством. Тогда можно будет быстро и очень легко... Впрочем, постойте!

Природа или воспитание?

На первый взгляд общие контуры темы очерчены, и в принципе нам ничто не мешает взяться за ее практическое рассмотрение. Но тут, как писали в старину, перед мысленным взором сочинителя встает ситуация, не раз возникавшая на его выступлениях. Как только заходила речь с детьми, с места поднимался серьезный слушатель и проникновенно говорил о том, сколько сотен часов было потеряно им на немецкий – и все без толку. (Аудитория при этом сочувственно вспоминает пресловутые «тысячи» – те самые тексты для домашнего чтения, без которых у нас в техникумах и институтах зачета не получить.) «Ну я – ладно, – заканчивал страдалец, – но у детей те же неудачи в школе. Видимо, неспособность к языкам передается по наследству. Какой прок в советах, если природа отказала?»

Вопрос правильный, и без внятного ответа на него двигаться дальше нельзя. Более того, есть за рубежом целое научное направление, которое исходит из того положения, что 4/5 интеллекта человека наследуются совершенно пассивно. Теоретиками этой школы усовершенствован, кстати, тип анкет – так называемые «ай-кью». Если вы плохо заполните их, доступа в целый ряд фирм или учебных заведений вам не получить. Есть и специальные тесты, определяющие ваши шансы выучить хоть один язык, а по их итогам они очень часто

могут оказаться нулевыми.

По большому, как говорится, счету этот подход нельзя так просто забраковать. Скажем, английский полиглот прошлого века Дж. Боуринг мог говорить на ста языках и читал еще на ста отнюдь не потому, что его кто-то хорошо научил. Скорее всего, игра генов. Но всегда ли колоссальные природные способности приводят к овладению языками? Возьмем такой феномен, как неограниченная память.

Помните, как длинен роман В. Гюго «Собор Парижской богородицы»? Так вот, французский политический деятель Гамбетта свободно читал наизусть в прямом и обратном порядке не только его текст, но и все собрание сочинений писателя. Или наш современник А. Чиквашвили. Однажды друзья в шутку попросили его сказать, сколько слов произнесет комментатор матча тбилисского «Динамо» с московским «Спартаком», а сами для контроля включили магнитофон. Тбилисец устроился у телевизора, от души поболел за родную команду, а в конце сказал: 18 350 слов, 174 270 букв. Пять часов потратили друзья, чтобы убедиться в его правоте.

Примеры такого рода легко умножить. Автор особенно интересовался подобными случаями, беседовал с людьми, обладающими феноменальной памятью. И выяснилось, что многие из них знают не более 1–2 языков, но самое интересное – что и на родном иногда не вполне схватывают смысл того же репортажа, какие-то намеки, каждому из нас понятные с ходу.

Дело в том, что у них развита какая-либо одна способность – в данном случае механическая память и автоматический счет, – а другие вполне обычны. Язык же требует не только этих, но еще многих других способностей. Потому-то среди знаменитых полиглотов так мало людей, прославившихся еще на каком-то поприще, пусть даже на таком близком, как лингвистика. Вот другой пример. Десять лет назад скромный врач из Филадельфии А. Линген взял в руки пластинку. Как-то по-особому взглядевшись в нее, он обнаружил... что явственно слышит записанную на ней музыку. С тех пор у доктора открылась способность читать по бороздкам на диске, как по нотам, различая самые тонкие пиццикато и другие нюансы.

Удивительная острота зрения, его связь со слухом. В языках талант Лингена обнаружился бы, вероятно, в быстром освоении китайских иероглифов, на которое у обычных людей уходят годы, но, чтобы овладеть языком в целом, ему пришлось бы потрудиться не меньше, чем любому из читателей.

Мы вовсе не отрицаем огульно мнение зарубежных коллег. Но лучшие из разработанных ими тестов все же измеряют не более 3–4 из целой массы способностей. И, как это всегда бывает в жизни, в конечном счете успеха добивается не вундеркинд, развивший какую-либо одну способность, но средний человек, продуманно распределивший свои скромные силы. Есть ли какой-то способ, по которому можно из-

мерить не части, а целое? Да, и это не выполнение придуманных задачек, а достижение реальной жизненной цели. И каждый из нас уже прошел этот тест при освоении родного языка.

Ошибочно было бы думать, что все мы делали это играючи или примерно одинаково. По-видимому, у одних этот путь напоминал ровную дорогу, а у других – кочки и овраги. Хотя результат вышел примерно тождественным, каждый пришел к нему своим путем. Одним словом, те 20 тысяч часов, которые нужны в среднем, чтобы из звуков новорожденного получилась осмысленная речь, были заполнены чередой открытий себя. Конечно, мы все начинали с природных задатков, но вот развивал их каждый по-своему.

Но, впрочем, читателю явно больше десяти лет, и он обратился к этой книге вовсе не за помощью в овладении родным языком. Какие выводы можно сделать из этого, уже пройденного, пути?

Во-первых, каждый человек способен к овладению любым языком. На этом положении основываются все серьезные специалисты по обучению языкам и, кстати, языковые программы наших школ и техникумов. Вот как высказывается на эту тему в проведенной «Литературной газетой» дискуссии о языковой одаренности заведующая кафедрой психологии Московского пединститута иностранных языков И. Зимняя: «„Феномена лингвистической безнадежности“ для нормального человека не существует». Смею заверить чита-

теля, что ни один здоровый человек, полностью не способный к языкам, наукой пока не наблюдался.

Во-вторых, когда нам нужно взять крепость чужого языка, мы можем сделать это, лишь применяя опыт по штурму родной речи. Вся наша деятельность вообще устроена так, что мы учимся на ошибках и используем снова и снова приемы, освоенные при решении прежних задач. Казалось бы, вот и хорошо: вспомним, как учились с колыбели, и проблема решена.

Но вот беда! Если бы мы вели дневник при освоении родного языка, хотя бы помечали основные трудности... Однако, кроме смутных воспоминаний и старых игрушек, не сохранилось ничего. Впрочем, даже если бы родители вели день за днем записи, и это вряд ли помогло бы. Ведь мы учились, не водя пальцем по учебнику и не выписывая слова на карточки. Мы учились всеми, так сказать, фибрами души с восхода до заката. А раз так – нашим сознательным усилиям помогал могучий поток бессознательного, переработавший за те же 20 тысяч часов в 10 миллионов раз информации больше, чем разум. Вероятно, даже конспективная запись проделанной этим потоком работы превысила бы объем любой библиотеки в мире.

А впрочем, зачем нам эти промежуточные этапы? Главное, что мы поймали механизм того, как звуки связываются в речь, и успешно отлаживаем его на практике. Каждый из нас – опытный специалист в этом деле, важно только понять

секреты собственного мастерства. А вот как далеко от нас ушла детская легкость – вопрос непростой. По мнению некоторых ученых, после языкового взрыва, приходящегося на возраст от 2 до 5 лет, что-то внутри закрывается. Как будто внутренние способности, которые в эти годы лепились, как пластилин, позже затвердевают, как мрамор. Отсюда следует то, что до 5–6 лет ребенок должен освоить начала какого-то языка. Потому американские ученые, вообще, как мы знаем, придающие большое значение раннему развитию врожденных задатков, ко второй половине 80-х годов и разработали около 1200 программ, по которым дети этого возраста овладевают 2–3 иностранными языками. У нас тоже есть богатый опыт – хотя бы накопленный в детских садах союзных республик, где есть много ребят, говорящих и на национальном, и на русском языках.

Другие, не менее серьезные ученые полагают, что явственно ощущаемый порог около 5–6 лет означает, скорее, не захлопывающуюся навсегда дверь, но временное отвлечение на какие-то более важные задачи. (Скажем, в старину крестьянские дети примерно этого возраста переходили к сильной трудовой деятельности.) А потом языковой расцвет может возвращаться, и не раз. Так показало обстоятельное обследование того, как изучают иностранные языки более 1/4 миллиона школьников разных стран, проведенное ЮНЕСКО. Выяснилось, что пик приходится на 12–15-летний возраст: подросток, впервые взявшийся за язык в эти

годы, имеет шансы обогнать даже того, кто начал учебу на 8 лет раньше его.

По-видимому, есть и другие пики. Согласно специальным исследованиям, весьма перспективен возраст 27–30 лет, далее – 45–48. Впрочем, если это и так, речь идет только о периодах наибольшего благоприятствования, а ведь мы говорим на языке всю жизнь. Поэтому для начала занятий подходит любое время, главное – пустить в ход те способности, которые у каждого сформированы родной речью.

Составить какую-то инструкцию на этот счет нельзя. Ведь речь идет об очень личном, неповторимом даре. Вместе с тем наметить путь в принципе, показать уже проторенные тропинки и предостеречь от явно тупиковых направлений вполне возможно. Вот в этом смысле опыт больших полиглотов и драгоценен – он как бы лаборатория, в которой разрабатываются маршруты самой разной сложности. Мы в нее войдем и узнаем секреты полиглотов, чтобы срок изучения – 20 тысяч часов – для второго языка можно было сократить раз в 50.

Трудно ли учить языки?

Так вот, воспитать ребенка человеком, которому быстро и легко даются языки, вполне возможно. Да и для вас, уважаемый взрослый читатель, главная задача состоит, как ни странно, совсем не в том, сколько там слов выучивать пополам с головной болью, а в том, чтобы познать самого себя. И толстые словари с запутанными грамматиками скорее не препятствия, а инструменты на этом пути.

Мне вспоминается забавное высказывание одного политического деятеля. Разговорившись однажды с представителями прессы, он заметил, что французский язык качественно отличается от всех других: по-французски слова подбираются точно так, как складывается в голове мысль, ясно и пристойно, а в других языках все как-то с выкрутасами, неловко и искусственно. Веселые журналисты поспешили информировать читателей о редкой пронизательности деятеля, не забыли и добавить, что он, конечно, был французом (в случае если бы похвалы удостоился арабский язык, говорящий наверняка был бы арабом). При редкостной наивности этот политик выразил то общее для всех и вполне верное убеждение, что родной язык имеет для каждого главное значение.

Отсюда и знакомое любому противоречие: с одной стороны, освоить иностранный язык можно, только идя от родного, а с другой – всякий выход за его границы болезнен,

создает неизбежную неуверенность, часто превращающуюся в высокий барьер. Со всей ответственностью заявляю от имени полиглотов: каждый этот барьер ощущал, но при умелом подходе его можно практически сровнять с землей. Вот как формулирует эту закономерность один из авторитетных полиглотов нашей страны Е. Чернявский, освоивший около 40 языков: «Говоря упрощенно, каждый новый язык гораздо легче предыдущего. Если принять сумму усилий при изучении первого языка за условную единицу, то на второй потребуется уже половина усилий, на третий – 1/4, на четвертый – 1/8 и так далее. Если к этому „закону“ не предъявлять чрезмерных требований в отношении точности, то он вполне справедлив».

И вот что интересно: в самых общих чертах этот закон распространяется на любой язык, даже самый сложный, непривычный. С одной поправкой, конечно: мы здесь не говорим о письменности. Например, персидская вязь создает дополнительные трудности. Да что там персы! Иногда удивляешься, что за орфографию придумали себе те же англичане или французы. По этому поводу над соотечественниками подтрунивал английский писатель. Он произносил слово «фиш» (рыба) и просил собеседников написать его. Когда они писали fish, он важно утверждал, что на самом деле гораздо правильнее писать так: ghoti. И объяснял: в слове enough буквенное сочетание gh выражает звук «ф». Далее, в слове women буква «o» выражает звук «и». Наконец, в слове

emotion «ti» выражают звук «ш». Следовательно, мы имеем полное право записать *ф +и +и* как *gh+o+ti!*

Это, конечно, шутка, но в общем близкая к жизни. Школьники на уроках правописания изрядно мучатся. В говорящих по-английски странах для них даже создан особый словарь, в котором по тому, как слово произносится в жизни, можно найти – иногда с трудом, – как же его следует писать. В государствах, где такого словаря нет, результаты получаются иной раз из ряда вон выходящие. Так, на одной диктовке 430 французских школьников написали слово «хризантема» (*chrysanthème*) 156 разными способами. Вспомним добром академика Шахматова, благодаря которому мы не мучимся с ижицей и ятем, хотя и теперешнее русское написание пока оставляет желать лучшего, и вернемся к нашему «закону».

Так вот, если не говорить о, в конце концов, не принадлежащих языку внешних факторах вроде письменности, после того как мы первый раз преодолеем барьер собственной робости и неумелости, особенных сложностей дальше не будет. Каких-либо трудных или, наоборот, особо легких языков, пожалуй, и нет. Но при первом преодолении барьера поработать приходится всем, вне зависимости от способностей или условий, созданных семьей. И сделать это желательно скорее и раньше на первом попавшемся языке.

Здесь следует всячески поддержать тех мам и пап, которые, не мудрствуя лукаво, отдают своего ребенка в ближай-

шую группу или школу, не особенно заботясь, какой именно язык там изучается. В самом деле, важно скорее выработать навык, пробить широкую брешь в барьере боязни языка. Ну а если ребенок выучил итальянский, а потом захотел перейти на столь модный сейчас английский – большой беды нет, это нетрудно будет сделать самостоятельно. Вот что имеет колоссальную важность, так это увлеченный учитель, работоспособные товарищи, свежая атмосфера в школе.

В особо благоприятном положении в этом смысле у нас находятся жители многих городов и сел в национальных республиках и областях. Ведь для них доступны не только радио и телевидение, газеты и журналы на еще одном, кроме родного, языке. Им доступно живое повседневное общение с самым широким кругом носителей второго языка. Этой возможности упускать нельзя. И если, скажем, строителю, железнодорожнику или военнослужащему, приехавшему из Ярославля в Пярну либо в Самарканд, может просто не хватить и времени, и сил на знакомство с местным языком, то лишать ребенка такой возможности не следует. Даже если он и расстанется скоро с этими краями, барьер уже будет расшатан, и ребенок увезет с собой раскрывшуюся способность к языкам.

Ну а для русского, постоянно живущего в Баку или Ташкенте, знакомство с местным языком – просто дело чести, уважения к чужому национальному достоинству. Нежелание запомнить слова приветствия, благодарности на языке сосе-

да справедливо расценивается как неуважение, особенно в тех районах нашей страны, где многоязычие принято издавна. Так, в Средней Азии никого не удивляло то, что замечательные писатели С. Айни и Х. Ниязи уверенно писали и по-таджикски, и по-узбекски. Отечественный языковед В. Костомаров подчеркивает, что это вообще не феномены для тех мест – там знание принадлежащих, кстати, к неродственным семьям узбекского и таджикского языков совершенно обычно.

Ну а о Кавказе и говорить нечего – помимо Дагестана, где на небольшой площади живут носители более 25 языков, во многих застольях человек, который не может сказать тоста по-грузински, армянски, а то и азербайджански, будет чувствовать себя не в своей тарелке. В Поволжье весьма распространено владение татарским языком, а к этому еще башкирским или, скажем, чувашским. И когда автор задавал местным жителям вопрос о том, не трудно ли это, ему часто отвечали с удивлением: дескать, а можно ли жить иначе?

Вероятно, так же ответили бы и читатели одной из популярных в Нигерии газет, где помещаются попеременно статьи на 13 (!) языках. Я даже думаю, что если собрать за одним столом этих «стихийных полиглотов», то они быстро нашли бы общий язык. Вот кто изрядно удивил бы их, так это маститый исследователь многоязычия Г. Кливленд. Из составленной им таблички явствует, что, скажем, для носителя английского языка выучить русский примерно так же трудно,

как финский, в два раза легче, чем японский, но на 1/3 сложнее, чем французский... Мы не будем спорить ни с маститым ученым, ни с почтенными горцами: главное – преодолеть первый языковой барьер, а какой язык поможет (именно поможет) это сделать – дело второстепенное.

Это следует из того, что, несмотря на самый непривычный звуковой строй и кажущуюся путаницу склонений и спряжений, все языки основываются в конце концов на едином фундаменте, на ряде общих глубинных законов. Поэтому замки всех языков открываются по существу одним и тем же ключом... А сколько их, этих замков?

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

По опыту любой из нас знает, что языков на свете очень много. Вот что парадоксально, так это то, что ни один самый толстый справочник или ведущий специалист не может дать точной оценки этого числа. По самому современному подсчету, предоставленному в распоряжение полиглотов Французской академией, население земного шара говорит сейчас на 2796 языках. Немного более высокой цифры – 3 тысячи языков – придерживаются отечественные лингвисты. Правда, в деталях ученые мужи расходятся: так, если французы говорят о 8 тысячах диалектов этих языков, то у нас выделяют до 12 тысяч диалектов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.